

А. М. Васильев

ИСЛАМ В XX–XXI ВВ.: И КРИЗИС И ОБНОВЛЕНИЕ

Постановка проблемы

В мире происходят тектонические перемены. Постколониальные социумы ищут свой путь общественного развития, который отвечал бы вызовам современности, соответствовал бы чаяниям и «верхов», и масс. В этих условиях ислам дает свое видение будущих социальных структур.

Рухнул прозападный шахский режим в Иране в результате исламистской шиитской революции, и исламистский шиитский режим держится, несмотря на санкции и давление. Вряд ли можно считать случайной победу исламистов «Талибана» в Афганистане над прокоммунистическим, а затем и прозападным режимами управления. Только что «Талибан» в России выведен из числа террористических организаций. Исламисты «Хайат тахрир-аш-шам», филиал «Аль-Каиды», совсем недавно смели светское баасистское правление в Сирии, выродившееся в коррумпированную диктатуру, но Россия ведет с ними переговоры о судьбе своих баз.

Большинство мусульман, если они не погружены в повседневные заботы о хлебе насущном, думают о судьбе и своих стран, и своего общества. Текущие события они воспринимают с позиций и прошлого, и будущего, причем прошлое воздействует на их сознание и чувства больше, чем на основную массу россиян, западноевропейцев или американцев.

В этом смысле ситуация для них выглядит в высшей степени трагической. С их точки зрения, в течение многих веков исламское общество было величайшей цивилизацией на земле, самой развитой, самой богатой, самой могущественной, самой творческой во всех сферах человеческой жизни. Мусульмане дали миру величайшие открытия в области математики,

физики, медицины, географии, астрономии, социальных наук, философии. Мусульманские армии, проповедники, торговцы наступали повсюду в Азии, Африке и Европе, принося свою высшую цивилизацию и высшую религию «неверным варварам» или же «людям Писания» – христианам, евреям, а также зороастрийцам, которые «исказили» и «забыли» учение своих пророков.

Ислам, безусловно, нес творческое начало в первые три-четыре века после хиджры*, впитывая элементы христианства, греко-римской античности, зороастризма, индийской цивилизации. За эти столетия он превратился не только в развитую систему религиозных догматов, но и в систему права, государственности, этики, эстетики, бытовой и семейной регламентации, философии, культуры, искусства. Немногочисленные арабийские арабы оказались дрожжами для теста, искрой, воспламенившей хворост и зажегшей пламя качественно новой цивилизации.

И вот уже прошло более двухсот лет, как ситуация, по мнению многих мусульман, особенно арабов, решительным образом изменилась. Вместо того чтобы повелевать миром и демонстрировать высочайшие достижения в области науки, экономики, культуры, исламский мир оказался в зависимости от христианских держав, которые превосходят его в военном деле, технике, организации, богатстве. В результате рождается отчаяние из-за того, что, по представлению мусульман, происходит нарушение как естественных, так и божественных законов. Несмотря на формальное освобождение от колониальной или полуколониальной зависимости, унижительное положение исламского мира достигло высшей точки в настоящее время, когда большинство мусульманских стран оказались париями глобализации. (Ныне могут появиться исключения – хотя бы Индонезия или Турция.) Ни одна из мусульманских стран не смогла вырваться вперед, приблизиться к Западу,

* Хиджра – переселение пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину в 622 г., от которого начинается исламское летосчисление.

как это сделали страны, принадлежащие к цивилизации Восточной Азии с их своеобразным менталитетом, психологией, организацией общества.

Запад смотрел на «деградирующий» Восток с презрительным высокомерием превосходящей военной, экономической и технической мощи и общественной организации. Для полного сил и энергии Запада Восток был объектом колониальной экспансии, военного и экономического грабежа, и, если не считать формальной политической независимости, полученной мусульманскими странами, многие из них остаются в таком же положении и в настоящее время. Дело пока не меняет усугубляющийся кризис Запада.

Противоречивость ситуации заключается в том, что, несмотря на явный неуспех экономического, технического, материального развития, ислам переживает в наши дни период мощной экспансии и расширяет сферу своего воздействия – от Южной Африки до берегов Волги, Рейна и Темзы, от западной оконечности Африки до Филиппин и от восточного до западного побережья Соединенных Штатов. По численности своих приверженцев ислам – наиболее быстро растущая религия наших дней.

Многие на Западе воспринимают мусульманский мир и как объект экспансии, и как угрозу.

До взвешенного, уважительного отношения к исламу и мусульманам, выработанного университетским сообществом США за несколько десятилетий, еще далеко и массовому общественному сознанию, да и многим СМИ. Университетские интеллектуалы, занятые изучением Ближнего и Среднего Востока и всего мусульманского мира, могли присягать на верность идеям, высказанным Эдвардом Саидом в его книге «Ориентализм». Он обвинил тогда западных востоковедов в предвзятости и расизме, и после выхода в свет его труда в 1980 г. среди исследователей стало как бы неприличным применять к мусульманским социумам исключительно западные мерки. Но до массмедиа и многих политиков эти интеллектуальные изыски доходят с трудом. А в глобализованном мире через телевидение и

Интернет даже отдельные проявления враждебности к исламу вроде карикатур на пророка Мухаммеда становятся широко известными в мусульманских странах и усиливают антизападные настроения мусульман.

Если бы ислам в действительности представлял собой ту карикатуру, которую на него рисуют его враги, то как можно объяснить, почему он стал самой быстрорастущей религией и в наши дни? Что привлекает новых адептов? Может быть, отсутствие иерархичности и глубоко распространенный эгалитаризм, который дает чувство достоинства и самоуважения последователям этой религии? Институализированная система благотворительности для поддержки бедных? Стремление и умение находить в группе, коллективе (большой семье, клане, суфийском ордене и т.п.) и защиту, и поддержку? Хотя, как и любая другая религия, ислам проповедует недостижимые идеалы; пусть не на практике, но они все-таки существуют. Цитированием тех или иных мест из Корана, как из Евангелия или Библии, вырванных из контекста, можно объяснить все что угодно. А разве нередко встречающаяся скрытая или открытая антиисламская пропаганда в российских СМИ, которая приравнивает ислам к террору и отсталости, не действует в том же русле?

Вернемся снова к истории.

Многие века мусульманский мир жил несокрушимо убежденный в своем полном, несомненном и абсолютном превосходстве над «неверной» Европой. После божественной миссии Мухаммеда, «печати пророков», христианство представлялось мусульманам цивилизацией заблудших людей, в лучшем случае достойных сожаления или опеки. Вплоть до XVI столетия мусульмане, торгуя или иным способом общаясь с европейцами, убеждались, что те не превосходят их ни научно-техническими достижениями, ни уровнем развития ремесел или сельского хозяйства. Правда, мусульмане знали поражения от «неверных» во время кончившихся крахом для завоевателей Крестовых походов в XI–XIII вв., а во время Реконкисты

уступили аль-Андалус, вновь ставший Испанией и Португалией. Победа османского (мусульманского) оружия над «неверными» сделала для них смехотворной саму мысль о том, что у более слабого противника можно чему-либо учиться, что-либо перенимать. Все свое было совершенным, мудрым, добродетельным, все чужое – жалким, нелепым, отвратительным, греховным. Мощные жизнеспособные ростки новой западной цивилизации, начавшееся Возрождение, а затем Реформация не были замечены на Востоке.

Военные поражения турок в XVII–XVIII вв. от рук австрийцев и русских, поражение империи Великих Моголов в Индии от рук англичан, вторжение гренадеров Бонапарта в Египет, общий экономический упадок мусульманского мира заставили мусульман задуматься над своим общественным устройством и путями развития своего общества.

Превосходство европейской научно-технической мысли уже 200 лет назад было настолько очевидным, что честные, думающие мусульмане могли сделать только один вывод – необходимо учиться у Европы математике, физике, химии, инженерному делу, медицине, промышленности, строительству, короче говоря, всему комплексу научно-технических знаний. Это признали даже многие улемы-богословы.

Но возник вопрос: как быть с социальной организацией, политической структурой, правом, идеологией, местом и ролью человека в обществе, положением женщин, литературой, искусством, обычаями? Существуют ли военные и научно-технические достижения сами по себе и можно ли их брать изолированно, не нарушая чистоты своей веры, основ своей цивилизации, или они плоть от плоти, кровь от крови западной цивилизации в самом широком смысле? Но если признать превосходство Запада в социальной и духовной жизни и начать ему подражать, не подорвет ли копирование столпы веры и прежние социальные порядки? По этим вопросам мнения в мусульманском мире разделились уже более двухсот лет назад. Спор между сторонниками «озападнивания», европеизации, модернизации, а сейчас –

американизации, глобализации и ревнителями национальной, религиозной самобытности, особого «исламского» пути развития не прекращается до сегодняшнего дня.

Наступление европейского колониализма на мусульманские страны привело на рубеже XIX–XX вв. к полной или частичной потере ими своей независимости. В качестве ответа на этот исторический вызов в мусульманском обществе оформилось три главных течения, которые осознавали необходимость изменений, чтобы преодолеть социально-экономическую отсталость, восстановить или сохранить национальную независимость.

Модернисты – «крайние западники» требовали решительного преобразования социально-политической структуры, экономической, военной, правовой системы по образцу общества Западной Европы. Они призывали отказаться от наследия ислама, считая, что в нем кроется причина отсталости их стран, их военной и экономической слабости. Они призывали население стать «европейцами», приобщившись к западноевропейской цивилизации. «Крайние западники» призывали брать всю европейскую цивилизацию с ее розами и шипами и, отряхнув прах веков со своих ног, оттолкнув все исламское наследие как отжившее прошлое, идти по дороге полного и безусловного копирования Запада во всех сферах – от социально-политической и правовой до культуры, литературы и искусства. Представителем этого течения стал Мустафа Кемаль Ататюрк – основатель республиканской Турции. В других странах тоже были его сторонники, но нигде их голос не звучал достаточно весомо и авторитетно.

Однако все более мощно и уверенно в мусульманских странах раздавались призывы традиционалистов, которых в англосаксонской литературе и печати в 70–80-е годы XX в. стали называть фундаменталистами, во французской – интегрристами, а сейчас все чаще – исламистами. В арабской литературе их нередко именуют салафитами. Это

течение представляло собой умеренных реформаторов, к которым примыкали умеренные исламисты. Суть их программы сводилась к тому, чтобы взять технические достижения западной, то есть капиталистической, цивилизации, несколько реформировать исламские институты, учреждения и традиции и тем самым открыть дорогу для прогресса, не отказываясь от своего наследия.

Но для традиционалистов Коран и Сунна – начало всех начал и конец всех концов. По их мнению, мусульманский мир пришел в упадок не потому, что опоздал вступить на западный путь развития, а потому, что забыл «истинную веру», учение Пророка и праведных халифов, впал в грехи, морально деградировал. Возвращение «золотого века» должны принести не обезьянье копирование Запада, не попытки осовремениться, а обращение к первоисточникам, к истинному исламу, к Корану и «неповрежденной Сунне». Возрожденная вера, повенчанная с западной технологией, должна вернуть исламскому миру военную мощь, достоинство, самоуважение, процветание.

Крайние традиционалисты – мусульманские ортодоксы – отвергали все духовные и общественные ценности Запада, все достижения западной цивилизации, «соглашаясь» принять лишь ее технику и военную организацию. Для них задача состояла не в том, чтобы реформировать ислам, а в том, чтобы вернуться назад к его «первоначальной чистоте», восстановив его в том виде, как он существовал первые три века после своего появления (VII–X вв. н. э.). Используя одно из течений такого рода (ваххабизм), возникла, например, в 20-е годы XX в. Саудовская Аравия в самом отсталом районе Ближнего Востока.

Между крайними направлениями – безоговорочного принятия западной цивилизации и полного ее отрицания – существовало множество течений общественно-политической мысли и практики, отнюдь не разделенных глухой стеной. Одни считали, что, сохранив нетронутыми

основы веры, нужно модернизировать ее, приспособить к требованиям эпохи, осознанно или неосознанно создавая социально-экономические, политические и идеологические рамки для возможного капиталистического развития. При этом использовался давно известный способ – по-новому интерпретировать старые положения Корана и Сунны, доказывая, что все новейшие идеи уже давным-давно были изобретены самими мусульманами.

Самыми крупными фигурами этого направления на рубеже XIX–XX вв. были Джамаль эд-Дин аль-Афгани, оказавший влияние на Османскую империю и Египет, на Иран и мусульманскую Индию, и его египетский последователь, оригинальный религиозный мыслитель Мохаммед Абдо. Аль-Афгани был отцом панисламизма – идеи объединения мусульманских народов под началом всемусульманского правительства, возглавляемого османским султаном-халифом. Аль-Афгани был сторонником заимствования у Европы не только научно-технических, но и некоторых светских знаний и выступал за зачатки парламента и конституции. Вероучитель защищал право каждого мусульманина на свободное толкование Корана.

Но если его религиозные и социальные идеи были пронизаны духом реформации, то его политические лозунги оказались подходящими для махровой реакции, и османское правительство стало размахивать ими как знаменем, стремясь сохранить или даже расширить разваливавшуюся Османскую империю.

Однако сама принадлежность к любому из этих трех течений, границы между которыми весьма условны, отнюдь не определяла четкого политического кредо. Ататюрк фактически расчищал путь для развития Турции по капиталистическому пути. Но одновременно он выступал как крупный лидер национально-освободительного движения своего периода и как сторонник сотрудничества с Советским Союзом. В Египте 50–60-х годов президент Насер выбрал в качестве ориентира социализм, установил плодотворное сотрудничество с СССР, провел значительные преобразования

общества, хотя затронул многие традиционные институты в гораздо меньшей степени, чем Ататюрк. В противоположность им Реза-шах в Иране, как и его сын Мохаммед Реза, которые также причисляли себя к модернистам, проводили европеизацию с одной целью – усиления своей деспотической власти.

Смена идеологий сопровождает лишь величайшие перевороты в истории человечества и отдельных народов. Менее значительные социальные течения используют, как правило, старые, проверенные идеологические одежды, перелицовывая их, приспособлявая для своих нужд, делая акцент на одних положениях и игнорируя другие. Сама идеология ислама дает богатую почву для использования ее разнообразными общественными течениями. Его особенностью была слитность духовного и светского начала с теоретическим приоритетом религиозной власти.

В исламе, который с самого своего возникновения был, в частности, идеологией классового общества, одновременно всегда звучала сильная эгалитаристская (уравнительная) струна. И в Коране, и в религиозных преданиях немало призывов создать более справедливое общество, смягчить эксплуатацию и классовый гнет, облегчить положение неимущих. Именно эту сторону ислама могли использовать и используют левые мусульманские организации.

Другие реформаторы, как правило получившие западное образование и создавшие либеральное направление, полагали, что, сохранив религию в сфере культа, морали, может быть, семейного права, нужно следовать западной модели в социально-политической области, имея в виду сделать ее достоянием верхов, элиты, а религию оставить для того, чтобы держать в узде массы.

Развитие мусульманской общественной мысли проходило в странах, которые отнюдь не были изолированы от внешнего мира. Запад не миролюбивый, доброжелательный сосед за забором. За ним нельзя было

просто наблюдать, изучать его, спокойно прикидывая, что подходит из его опыта, а что нет. Запад бесцеремонно ворвался в мусульманские страны своими займами, товарами, системой экономических капитуляций, прямой военной оккупацией в XVIII, XIX и в первой половине XX в. Запад пришел не как филантроп, не как старший брат, протянувший руку помощи отставшим народам, не для того, чтобы поднять их на уровень своей цивилизации, а как циничный эксплуататор и грабитель, который обеспечивал прогресс только в том случае, если он был выгоден метрополии, и препятствовал прогрессу, если он ей был невыгоден.

Прекраснодушные иллюзии мусульманских либералов разбились вдребезги при столкновении с голым хищничеством Запада. Поэтому с XIX в. до наших дней образ Запада в глазах мусульман противоречив, двойственен: Запад – и соблазнительный пример для подражания, и ненавистный угнетатель-эксплуататор и агрессор. Раздвоение оценок самих себя и внешнего мира привело к противоречивому сочетанию комплекса неполноценности по отношению к Западу с комплексом превосходства мусульманина над любым христианином.

Буржуазная модернизация отвергалась абсолютным большинством населения исламских стран именно потому, что она означала усиление его эксплуатации и прямого ограбления и ассоциировалась в глазах масс с иностранным господством. Культурные и политические идеалы западников оставались чуждыми и враждебными массам и антизападно настроенной части элиты.

Капиталистическое развитие, которое происходило в мусульманских странах в 20–40-х годах XX в., было деформированным, болезненным, уродливым, антинациональным. Такая ситуация привела к антизападным революциям в ряде этих стран прежде всего на основе новой идеологии национализма. Но одновременно она послужила стимулом мощного возрождения религиозно-политических движений.

Революционная часть интеллигенции, средних слоев и рабочих в мусульманских странах познакомилась с социалистическими идеями нашей эпохи и приняла их на вооружение, трансформировав в соответствии с конкретными условиями. В ряде стран сложились коммунистические и революционно-демократические партии. Они выступали за сотрудничество с мусульманскими организациями, с массами верующих на основе требований освобождения трудящихся от гнета эксплуататоров, движения по пути социально-экономического прогресса, укрепления независимости и борьбы с колониализмом.

Революционно-авторитарные эксперименты в разных странах различались своей длительностью: например, в Египте они продолжались полтора десятилетия, в Алжире – три, в Сирии или Ираке – несколько десятилетий. Многие эксперименты имели социалистическую окраску.

Само понятие «национализм» принадлежит Новому времени, и оно импортировано в мусульманский мир из Европы. Оно побочное дитя Французской революции, хотя слово «нация» гораздо старше.

У мусульман ни того ни другого понятия не существовало. Слово «умма», ставшее арабским эквивалентом «нация», несет на себе печать двусмысленности. Этим словом как раньше, так и теперь обозначают общину верующих. Само слово «национализм» арабы произвели от слова «каум», которое означает группу племен, народ и в лучшем случае переводится современным понятием «этнос». В арабском языке наиболее близко к «национализму» понятие «асабия», которое ввел в оборот Ибн Хальдун – великий магрибинец, отец арабской политологии и социологии, живший в XIV–XV вв. Но теперь это слово означает племенную солидарность, верность племени, роду, большой семье, их интересам, обычаям, традициям, а также соответствующий кодекс поведения.

Родина арабского национализма – Сирия, Ливан и в какой-то степени Ирак. В Египте в течение первой половины XX в. господствовал египетский,

а не арабский национализм, к которому вернулись во времена Анвара Садата.

Приход к власти в Турции исламистов в наши дни наглядно демонстрировало, насколько глубоки мусульманские чувства и в этой стране, расколотой на сторонников светского и религиозного общества. Как показывает политическая практика Партии справедливости и развития, умеренным турецким исламистам в целом удавалась совмещать свои взгляды с курсом на модернизацию страны в экономике, внутренней и внешней политике.

После Второй мировой войны уходила в прошлое эра старого колониализма, колониальных империй. Пришли в движение миллиардные массы азиатов и африканцев. В боли и муках, иногда с кровью и жертвами, с успехами и провалами рождался новый мир. Популистские лидеры бросали в массы лозунги возвращения национального и человеческого достоинства, политической независимости, экономического развития, социального и расового равенства.

...Прошли десятилетия. Политический колониализм в прежнем виде исчез, но новые путы зависимости – экономической, технологической, информационной – сковали бывший третий мир. Наибольших успехов достигли лишь немногие из тех, кто пошел по пути рыночной, а не советской экономической модели. Но среди оказавшихся впереди почти не было мусульманских стран. Для многих рассвет оказался ложным. Рухнул и распался Советский Союз. И все же осталась мечта о человеческом и национальном достоинстве, лучшем будущем, социальной справедливости, которую символизировала эпоха Насера, Сукарно, Нкрумы, Ньерере. За исключением небольшого числа последователей этих лидеров, она трансформировалась в активизацию мусульманских политических движений.

События в Иране, победа народной мусульманской революции над шахом и его американскими покровителями, естественно, не могла не

вызвать отклика в душах последователей ислама в других странах, хотя дальнейшее развитие событий принесло разочарование и у многих даже ненависть к ситуации, сложившейся в Иране. При этом следует иметь в виду, что религиозная ситуация в суннитских странах не совпадает с иранской, поскольку там шиитское духовенство исторически находилось в оппозиции к светской власти, считая ее незаконной.

Однако и в иранском, и в турецком, и в египетском обществах существует ясно выраженный культурный дуализм или дуализм цивилизаций, который несет в себе элементы неустойчивости. Они тем более очевидны, когда традиционные, а точнее неотрадиционные, и современные (или псевдосовременные) структуры существуют в обществе одновременно, когда рядом с большой семьей, религиозной или сельской общиной функционирует современная, ориентированная на рынок и извлечение прибыли структура. Положение становится невыносимым, когда вторые существуют за счет первых.

Если для носителей традиционной культуры, религиозных убеждений и ценностей ненавистны те, кто перестал быть самим собой и пытается влезть в кожу западников, то массы, разделяя эти чувства, больше озабочены хлебом насущным. Многим из них чужды и враждебны рыночная экономика, лозунг «прибыль превыше всего», капиталистическая модернизация (псевдомодернизация). И первые, и вторые обращаются «к нетленным ценностям ислама» как образу жизни, идеологии, знамени политической борьбы.

Возрождение и влияние традиционных, точнее неотрадиционных, общественных структур, их идеологии имеют весьма прагматическое значение для любого политика. На политическую арену стали выходить широкие массы, раньше бывшие где-то за скобками общественной борьбы. Они принесли свой язык, свою систему символов, убеждений, предрассудков, свою политическую культуру. Народная культура в целом

оказалась более устойчивой, чем могли предполагать модернисты самых разнообразных цветов и оттенков – от коммунистов до прозападных либералов. Представление об исламе просто как о «мертвой руке прошлого» оказалось идеологически наивным и политически близоруким.

Буржуазия мусульманских стран в конкретно-исторических условиях нашей эпохи отнюдь не всегда стремится к распространению светской идеологии и секуляризации общественной жизни, как это делала западноевропейская буржуазия в период своего подъема. Часто наоборот. Она видит в исламе, особенно в его положениях, направленных на освящение отношений эксплуатации и классового общества, заслон против распространения левых идей.

Экономическое положение и социальный статус широких слоев населения нередко ухудшается в связи с развитием капитализма, идущего в молодых государствах в уродливой, особенно болезненной форме. Западное вмешательство, внедрение капиталистических отношений означают и наступление на морально-этические нормы трудящихся, выработанные в рамках религиозных традиций. В этих условиях широкие слои населения во многих развивающихся странах находят в исламе форму протеста против навязываемого им извне образа жизни с его поклонением золотому тельцу, с дальнейшим углублением разрыва между богатством и нищетой, созданием и укреплением коррумпированной «элиты», с его подавлением национальной культуры, проповедью насилия, аморальности. Религиозно настроенные борцы против империализма и неоколониализма внушают своим последователям идеи трудолюбия, воздержанности, облакая их в мусульманскую форму и используя как раз эгалитаристскую сторону ислама.

Политическая окраска современных мусульманских движений сложна и подвержена постоянным изменениям, Социальные структуры мусульманских стран аморфны, классовые грани размыты, общество носит многоукладный характер. Крестьянство, мелкая буржуазия города,

полупролетарские слои составляют большинство населения и служат социальной средой для сильных религиозных чувств. Политические режимы стран, где население исповедует ислам, представлены широким спектром – от революционно-авторитарных до феодально-теократических. Зеленое знамя ислама (зеленый – любимый цвет основателя мусульманства Мухаммеда) может осенять как борцов против Запада и «своего» феодализма, так и консерваторов, махровых реакционеров.

В мусульманских странах левые – и коммунисты, и насеристы, и «новые» – оказались на обочине идеологической и политической борьбы. Угасли кружки немногочисленных леваков-радикалов, от них не осталось и горстки пепла. Вышли из моды «новые левые» и на Западе. Исчез Советский Союз и его союзники – и некого больше обходить ни справа, ни слева. Нет маоизма, а прежде революционный Китай возвышается глыбой прагматизма, рынка, холодного экономического расчета, сохранив государственно-партийные структуры, идеологические лозунги «китаизированного социализма».

Но главное в другом: марксисты и либералы, националисты и шовинисты, леваки и умеренные, ссорясь и мирясь, ненавидя и любя друг друга, сажая друг друга в тюрьмы или освобождая из заключения, – все они постепенно стали понимать, что находятся, хотя бы временно, в одной лодке.

Однако их фелюги – светские государства – уже дали течь, и их может перевернуть волна исламизма. У представителей этой новой-старой волны все другое: логика поведения, лозунги, символы, система ценностей. В целом это другой мир. В нем не остается места для светских деятелей любой окраски.

Феномен реисламизации охватил все страны – и традиционного ислама – от Марокко до Пакистана и Индонезии, и страны нового ислама, например, северную часть Нигерии.

Их лидерами, властителями дум становятся отнюдь не безграмотные

люди, а интеллектуалы или полуинтеллектуалы, нахватавшиеся знаний или полужнаний, глубоко уязвленные униженным положением своего общества, полные религиозного рвения, готовые к политическим действиям. Они готовы жертвовать собой, но с еще большей готовностью жертвовать другими. В них еще острее, чем раньше, переплетаются чувства неполноценности по отношению к Западу, зависти к западному образу жизни и «обществу потребления» с вековой мусульманской убежденностью в собственном превосходстве над «неверными» и стремлением устроить общество по образу и подобию «золотого века» ислама. Для них ясен ответ на старый вопрос, над которым мучились исламские мыслители начиная с XIX в.: что брать на Западе – технические достижения или общественное устройство, нравы, культуру, искусство? Только технику, только военную организацию, только компьютеры, информационные технологии – ничего другого имеющего западное происхождение им не нужно. Их общество – политическая и социальная организация, культура, мораль, эстетика, искусство, право – должно быть другим.